

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ИСТОРИИ «ФРАНЦУЗСКОГО ЕЖЕГОДНИКА»

С. В. Оболенская

«Французский ежегодник» был создан в конце 50-х годов советскими франковедами во главе с В. П. Волгиным, объединившимися в Группу по изучению истории Франции, организованную в Институте истории АН СССР. Волгин стал главным редактором «Французского ежегодника», А. З. Манфред – его заместителем. Кроме них, в состав редколлегии, обозначенный в первом томе 1958 г., вошли В. М. Далин, Э. А. Желубовская, Б. Ф. Поршневу, Ф. В. Потемкин, Н. А. Сидорова. Секретарем редакции стала И. И. Сиволап. В. П. Волгин был уже стар и болен, и, хотя он живо и горячо интересовался делами нового издания, фактическими руководителями с самого начала стали А. З. Манфред и В. М. Далин. Насколько я помню, главную их заботу в том, что касалось общего направления, составляло стремление сделать «Французский ежегодник» строго академическим изданием и сохранить такой его характер в любых условиях. Уже одно это предполагало пусть осторожное, но все-таки вполне определенное желание отойти от привычных стандартов политизированных изданий. Это стало возможным в той ситуации, которая сложилась после 1956 г. и полностью сохранялась в 1958 г., когда вышел первый выпуск «Ежегодника». Таким образом, как мне кажется, «Французский Ежегодник» был – опосредованно, конечно, – детищем «оттепели».

В небольшом введении «От редакции», открывавшем первый том, говорилось о двух главных задачах издания – содействовать еще более углубленному изучению в нашей стране проблем истории Франции и организовать на страницах «Ежегодника» сотрудничество советских и французских историков. Скажу сразу: по моему мнению, обе эти задачи «Французский ежегодник» выполнил. В том же тексте были обозначены темы, которые на протяжении тридцати лет существования «Ежегодника» неизменно были в поле внимания исследователей и редакции: «Судьбы французского крестьянства, развитие общественной мысли в предреволюционную эпоху, классовая борьба времени Великой французской революции, социалистические и коммунистические идеи XVIII и XIX столетий, формирование и освободительная борьба французского пролетариата, подвиг французских коммунаров 1871 г., борьба за демократию и республику на разных этапах разви-

тия страны». Подбор тематики и исследовательские подходы, косвенно намеченные в этом тексте, вполне соответствовали духу времени и состоянию отечественной исторической науки. Но, разумеется, они вовсе не исчерпывали содержание последующих двадцати девяти томов «Французского ежегодника».

Издателям удалось собрать на его страницах большинство советских франковедов, привлекая не только заслуженных историков, но и молодых специалистов; в нем привечали и совсем еще не известных, но подававших надежды ученых; публиковали и работы тех, кто в сталинские времена либо был отлучен от науки, либо просто был солдатом армии «зеков». «Французский ежегодник» очень ценили специалисты, я это знаю точно. Для многих он в конце 60-х и в 70-х годах, в период брежневского застоя был некой отдушиной – не в политическом смысле, конечно. В этом издании не было ни малейшего диссидентского оттенка. (Но стоит здесь вспомнить, что в 1969 г. там была опубликована статья А. М. Некрича «Из истории англо-французских отношений времен второй мировой войны», – единственная работа, которую ему удалось выпустить после разгрома его книги «1941. 22 июня» и исключения из КПСС. Это был, конечно, исключительный случай. Важно, однако, отметить, что Александр Моисеевич обратился к А. З. Манфреду, и тот решил пойти ему навстречу). Отдушиной «Французский ежегодник» являлся потому, что здесь с искренним доброжелательством принимали всех, кто хотел с ним сотрудничать, интересовались любыми темами и не чурались того, что в те годы пренебрежительно называли «мелкотемьем».

«Французский ежегодник» и Группа по изучению истории Франции установили тесные связи с зарубежными учеными, прежде всего, конечно, французскими. У нас были опубликованы работы Ж. Лефевра, Э. Лабрусса, П. Ренувена, А. Собуля, М. Домманже, Ж. Брюа, Ж. Бувье, К. Виллара, Ж. Годшо, В. Маркова, В. Крауса, М. Косока, наконец, Ф. Броделя и Ж. Ле Гоффа, Ж. Дюби, М. Вовеля и многих других. На страницах «Ежегодника» выступили шестьдесят восемь иностранных авторов, среди них пятьдесят пять из Франции, один из США, один из Италии, трое из Польши, трое из Венгрии, четверо из ГДР и один из Болгарии. Некоторые из них стали постоянными авторами нашего издания – известный французский историк, один из лучших в свое время специалистов по истории Французской революции XVIII в. Альбер Собуль, выступивший в первом же томе 1958 года и опубликовавший у нас двенадцать своих статей; немецкий историк Вальтер Марков, автор восьми напечатанных в «Ежегоднике» работ по проблемам, также связанным с историей Французской революции, или молодой венгерский ученый Янош Емниц, автор шести статей в «Ежегоднике», специалист по истории социалистического движения, много работавший в советских архивах и установивший тесную связь

с редакцией. Многие из этих зарубежных историков выступали с докладами на заседаниях Группы по изучению истории Франции, связь с ними была действительно живой.

Одна из главных и постоянных тем в «Ежегоднике» – история Французской революции XVIII в. Она стала, можно сказать, ведущей с первых же томов. На протяжении всего существования «Французского ежегодника» в нем было опубликовано около семидесяти статей советских и иностранных авторов, посвященных истории Революции и ее восприятию в России в разные эпохи, полностью были напечатаны материалы симпозиума 1970 г. по истории якобинской диктатуры, а в 1989 г. вышел специальный том «Ежегодника 1987» под названием «200 лет Великой французской революции».

Непреходящее внимание к теме Революции определялось, с одной стороны, позицией руководителей нашего издания В. М. Далина и А. З. Манфреда, для которых, несмотря на многосторонность их интересов, Французская революция всегда оставалась едва ли не самым важным предметом, а с другой – тем, что советская школа истории Французской революции находилась тогда в поре расцвета. Помимо Далина и Манфреда, тему эту разрабатывали в «Ежегоднике» такие крупные советские специалисты старшего поколения, как Я. М. Захер, Б. Г. Вебер и шедшие им на смену молодые историки, прежде всего А. В. Адо, за ним – А. В. Гордон, В. А. Гавриличев, Е. В. Киселева, Г. С. Черткова.

Предмет нашей гордости составляли выступления на страницах «Ежегодника» крупнейших зарубежных специалистов по истории Французской революции А. Собуля, Д. Рюде, М. Домманже, В. Маркова, позже – М. Вовеля.

Особенно важно подчеркнуть, что во «Французском ежегоднике» нашло некоторое отражение такое редкое в наше время явление, как формирование научной школы. Это связано с именем покойного Анатолия Васильевича Адо, замечательного ученого, наделенного редким педагогическим талантом и успевшим за свою недолгую жизнь воспитать группу молодых исследователей истории Французской революции. Анатолий Васильевич и сам постоянно участвовал в работе «Ежегодника», а затем с серьезными работами выступили у нас и его молодые ученики – И. В. Берго, Н. Ю. Плавинская, З. А. Чеканцева, Е. И. Лебедева.

К проблематике Французской революции тесно примыкала тема Просвещения XVIII в. В «Ежегоднике» было опубликовано больше сорока статей о французском Просвещении. Среди авторов следует особо отметить Льва Семеновича Гордона, которого рекомендовал, как помнится, Б. Ф. Поршнев. Лев Семенович прислал свою первую статью «Запрещенная литература эпохи Просвещения» в выпуск 1959 г. из Перми, куда его забросила нелегкая судьба. С 1958 г. он имел тесную связь с Группой по изучению

истории Франции, выступал с докладами на ее заседаниях и в 60-х годах опубликовал в «Ежегоднике» еще четыре своих работы, поистине новаторских. Л. С. Гордон выявил неизвестный пласт французского Просвещения – его «радикально-демократическое крыло», представленное рядом неведомых или полузабытых авторов, чьи взгляды оказались гораздо более радикальными, нежели взгляды самого Вольтера¹.

О Вольтере несколько статей опубликовали И. И. Сиволап, автор книги о Вольтере, и Л. Л. Альбина – хранительница библиотеки Вольтера в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина.

Особое внимание советских франковедов, а также исследователей из Франции и Италии привлекала фигура Ж. Ж. Руссо. В статьях, посвященных Руссо, анализировались его идеи и их судьба в последующие столетия, их восприятие в разные эпохи, в разных странах, использование в общественных движениях, наконец, изучение Руссо в историографии. Но мне особо хочется отметить две маленькие работы о Руссо, принадлежащие перу А. З. Манфреда и опубликованные посмертно в «Ежегоднике 1978» (М., 1980). Одна из них – «Руссо и современность» (заголовок был дан редакцией) – представляла собой фрагмент из неоконченной рукописи, подготовлявшейся автором в связи с 250-летием Руссо. Это, очевидно, самое начало задуманной работы, содержащее только лишь постановку проблемы и первые строки историографического обзора. Автор коротко говорит о трудной жизни этого человека, ставшего «истинным властителем дум поколения двадцатилетних» и оставшегося при этом «бездомным, гонимым и преследуемым скитальцем», сравнивает его судьбу с «огромным, всеобщим, позолоченным монаршими милостями признанием, которым упивался его соперник и недруг Вольтер»², и ставит перед собой задачу разгадать секрет необычайного воздействия Руссо на современников и на последующие поколения.

Другой очень небольшой текст А. З. Манфреда, напечатанный в том же «Французском ежегоднике», называется «Посещение Эрменонвилля». Возможно, он предназначался для той же работы, что и первый фрагмент, а, может быть, что более вероятно, это просто некая заготовка, поэтическая запись о поездке в мае 1969 г. в Эрменонвиль, где нашел свое последнее пристанище Руссо и где на Тополином острове, посреди озера, находилась его первая могила (во время Французской революции прах Руссо был перенесен в Пантеон). Мысли и чувства, нахлынувшие на трех участников этой поездки, впечатления от огромного затихшего парка, где Руссо совершал свои «прогулки одинокого мечтателя», – все это передано в поис-

¹ О жизни и научном творчестве Л. С. Гордона см.: *Вольфиун Л. Б.* Лев Семенович Гордон // *Одиссей* 1998. М., 1998.

² ФЕ 1978. М., 1980. С. 6.

тине художественном тексте с грустью и восхищением. Перечитывая эти фрагменты, я еще раз подумала о том, что А. З. Манфред занимает в отечественной историографии совершенно особенное место, на грани науки и художественного творчества.

Сегодня предана полному забвению тема Парижской коммуны 1871 г. И напрасно. В русском обществе конца XIX в. мартовские события 1871 г. в Париже имели довольно широкий резонанс³, и нашим историкам было бы полезно, отказавшись от известного марксистского тезиса о том, что Коммуна была пролетарской революцией и представляла собой первый опыт диктатуры пролетариата, разобраться в том, что представляло собой восстание 18 марта 1871 г. в Париже и чем же в действительности являлась Парижская коммуна. Главное же, предмет интересных исследований может составить мифология Коммуны, ее судьба в исторической памяти французов да и не только французов. В некоторых статьях о Парижской коммуне, принадлежащих перу советских и зарубежных авторов (во «Французском ежегоднике» таких статей больше двадцати), можно было бы почерпнуть материал для разработки этой тематики. Между прочим, возможности подобного нового подхода намечены в статье Н. Г. Федоровского «К вопросу о формировании образа Коммуны в сознании организованного пролетариата» («Французский ежегодник 1981»), где автор поставил вопрос о необходимости исследования восприятия Коммуны в дни ее существования и после ее разгрома.

Относящиеся к Новой истории тематические комплексы истории Французской революции XVIII в., Просвещения и Парижской коммуны 1871 г., вместе с целым рядом статей по отдельным вопросам истории Франции – внешней и внутренней политики, экономики, культуры и др. составили главную часть содержания «Французского ежегодника» за все годы его существования. По проблемам Новой истории было опубликовано более трехсот статей (по Новейшей истории – около ста шестидесяти, по истории средних веков – шестнадцать).

К периоду Новой истории относится также большинство статей из того тематического раздела, который с самого начала занял видное место на страницах нашего издания. Это материалы по истории русско-французских экономических и культурных отношений, связей в революционном движении, а также проблема восприятия в России всего, что происходило во Франции. Начало было положено большой статьей А. З. Манфреда «К истории русско-французских культурных связей 70–80-х гг. XIX в.», помещенной в «Ежегоднике 1959». А. З. Манфред, который не уставал повторять, что дружба между Россией и Францией, Францией и СССР

³ Мне, в частности, приходилось об этом писать. См.: *Оболенская С. В.* Франко-прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

естественна и непреодолима, видел одно из доказательств этого тезиса в вековом интересе французов и русских друг к другу и культурных взаимодействиях, сложившихся в XVIII и особенно развившихся в XIX в. Тема культурных связей между нашими странами разрабатывалась многими авторами, конечно, не только на материалах XVIII и XIX вв. Было опубликовано более сорока посвященных ей статей советских и французских историков. Среди них хочу особо отметить покойного историка из Челябинска Е. С. Белогловского. Первоначально он занимался проблемами внешней политики, написал несколько статей по истории советско-французских отношений 30-х годов. А затем, обнаружив в наших и французских архивах множество материалов, написал несколько информативных и интересных статей о советско-французских культурных связях в области театрального искусства, кинематографа, музыки.

Среди работ, посвященных Новейшей истории Франции, труднее выделить какие-либо тематические группы, но, конечно, было бы несправедливым обойти их вниманием. Отмечу, прежде всего, комплекс статей по истории французского Сопротивления. Наш известный историк В. П. Смирнов напечатал в «Ежегоднике» семь статей по истории Сопротивления, поражающих обилием привлеченных материалов. Ему посчастливилось работать во Франции, где удалось установить живую связь с французскими коллегами, которые помогали ему в поисках новых документов. Он встречался с некоторыми участниками Сопротивления, брал у них интервью, выявил много нового во французских и советских архивах. Тему французского Сопротивления разрабатывала на страницах «Ежегодника» также Л. М. Видясова. Истории Сопротивления посвящен большой фрагмент из мемуаров Жака Дюкло, в котором он рассказывает о роли Французской коммунистической партии в организации Сопротивления и в его действиях, делится воспоминаниями о своем участии в борьбе против германской оккупации⁴.

К работам по истории французского Сопротивления примыкают и несколько статей, посвященных более общей теме – «Франция и вторая мировая война». Очень интересны мемуары генерала Пьера Пуйяда. Летчик-истребитель П. Пуйяд был направлен в эскадрилью «Нормандия» в качестве помощника ее командира Ж. Л. Тюляна, а после гибели Тюляна летом 1943 г. возглавил ее. Его воспоминания охватывают весь период действия на нашей территории эскадрильи «Нормандия-Неман».

Более двадцати статей, напечатанных в «Ежегоднике», были посвящены внешнеполитическим проблемам в истории Франции и истории франко-советских отношений. Среди материалов по внутривнутриполитическим проблемам и общественным движениям в Новейшее время, отметим ряд статей

⁴ Из мемуаров Жака Дюкло // ФЕ 1970. М., 1972

Е. А. Кравченко и Ю. В. Егорова, посвященных истории Народного фронта. В них последовательно рассматривались история и историография Народного фронта во Франции и в связи с этим затрагивались самые разные проблемы внутривосточной истории.

Большое внимание уделялось истории французских политических партий, в частности, коммунистической. Отметим среди работ по этой тематике цикл статей С. Н. Гурвич, отличающихся глубокой вдумчивостью автора и тщательностью разработки документов. С начала 70-х годов Светлана Николаевна занималась историей партии радикалов и радикал-социалистов и опубликовала во «Французском ежегоднике» шесть статей по этой теме, затрагивая проблемы образования и развития этой партии, ее отношение к революции 1905 г. в России, рассматривая историографию вопроса.

Традиционная для «Французского ежегодника» тема взаимоотношений французского и русского народов нашла свое место и среди статей по Новейшей истории Франции. Советские и французские авторы писали о советско-французских культурных контактах, об истории французских общественных организаций, созданных для их развития; освещали отношение французской интеллигенции к Советскому Союзу, отклики во Франции на Октябрьскую революцию и другие события в нашей стране, организацию научного сотрудничества СССР и Франции. Выше уже упоминался ряд статей Е. С. Белоглового о взаимодействии и сотрудничестве французов и русских в разных областях художественной культуры.

Нужно особо подчеркнуть, что с самого начала «Французский ежегодник» ставил своей задачей стать «координационным центром» исследований по истории Франции, осуществлявшихся в нашей стране. Важной и привлекательной чертой этой работы было участие в ней множества провинциальных ученых. Помимо московских и ленинградских историков, на страницах «Ежегодника» выступили сорок два автора из столиц союзных республик и провинциальных городов. «География» удивительно обширна и разнообразна: Киев, Минск, Тбилиси, Ереван, Алма-Ата, Ташкент, Горький, Днепрпетровск, Донецк, Иваново, Ивано-Франковск, Иркутск, Казань, Кировоград, Курск, Магнитогорск, Нижний Тагил, Одесса, Омск, Пермь, Свердловск, Симферополь, Степанакерт, Сухуми, Тарту, Ульяновск, Уфа, Челябинск, Чернигов, Черновцы, Чита, Ярославль...

Опытные педагоги и исследователи, профессора и доценты из разных городов составили некий актив «Ежегодника». Назову среди них Ю. Г. Трунского из Казани, В. С. Алексеева-Попова из Одессы, И. С. Кисельгофа из Уфы, Я. И. Дразнинаса из Читы. Все они были высококвалифицированными специалистами и оригинально мыслящими учеными; к сожалению, никого из них уже нет в живых. Весьма авторитетным молодым исследователем явился С. Л. Сытин, преподававший в Ульяновске. Он

занимался проблемами кануна Французской революции, интересно, полемически выступил на симпозиуме по проблемам истории якобинской диктатуры в 1970 г., а затем опубликовал вызвавшую общее внимание статью о рабочих организациях накануне революции⁵. Присылали свои работы и совсем молодые, только еще начинающие историки; статьи их были разного качества. Но правилом редакции было самое доброжелательное отношение к этим ученым, условия работы которых были, разумеется, несравнимы с возможностями их столичных коллег. С большим интересом и вниманием в редакции отнеслись к начинающему исследователю Г. Н. Новикову из Иркутска, который в 1977 г. представил свою статью «Дискуссия о «новом обществе» во Франции (1969–1972)», обсуждали с ним проблемы его дальнейшей работы. В. А. Погосян из Еревана стал автором и другом «Ежегодника»; Д. М. Туган-Барановский из Саратова, А. В. Ревякин, приславший свою первую статью из Чернигова, В. А. Гавриличев из Иванова – некоторые из них дебютировали именно во «Французском ежегоднике».

Члены редакции не жалели ни времени, ни сил в работе с провинциальными авторами. С ними вступали в подробную переписку, рецензировали, давали рекомендации и, добиваясь взаимопонимания, всячески старались способствовать усовершенствованию текстов. Важно было при этом ни в коем случае не снизить наши требования, не снизить уровень «Французского ежегодника», а, напротив, по возможности поднять автора до этого уровня.

Главными членами редколлегии в первые лет десять его существования были, конечно, А. З. Манфред, В. М. Далин, Б. Ф. Поршневу, Э. А. Желубовская и З. С. Белоусова. О. Л. Вайнштейн жил в Ленинграде, А. И. Молок на заседаниях не появлялся, ни разу не пришли введенные в редколлегию в 1972 г. работники ЦК КПСС В. В. Загладин и Ю. Н. Панков. Член-корреспондент Академии наук Ф. В. Потемкин не приходил никогда и для меня представлял собой вообще личность мифическую. Однажды, когда он прислал в «Ежегодник 1965» свою статью «Агрономическая практика и политические позиции пропагандистов «нового земледелия» во Франции в XVIII–XIX вв.», и нужно было просить его написать резюме для перевода на французский язык, Виктор Моисеевич замахал руками и сказал, что звонить Потемкину нельзя и вообще лучше написать резюме самой. Я сделала это, но все же послала текст автору для прочтения. Через некоторое время получаю открытку, в которой в восторженных выражениях воспеваются мое благородство и высокий профессионализм; подпись гласила: «Ваш Федор Потемкин». Так он и остался для меня таинственным «Федо-

⁵ К сожалению, Сытин потом оставил эту тематику и успешно занимался историей Ульяновска-Симбирска.

ром Потемкиным», предпочитавшим не подходить к телефону и никогда не покидавшим свою квартиру. Он покинул ее только после смерти, когда очень скромная гражданская панихида (да могла ли она быть иной, если даже из тех, кто на ней присутствовал, многие никогда Потемкина в глаза не видели!) состоялась у нас в Институте, в холле перед конференц-залом. Трагична была судьба этого ученого. На протяжении десятилетий он руководил крупными научными коллективами в исследовательских учреждениях и вузах Москвы и Ленинграда; блестящий лектор, он пользовался неизменным успехом у поколений студентов, по учебникам, изданным под его редакцией, обучались советские историки. Но страх, уступки собственной совести калечили души многих. И вот в конце жизни (Ф. В. Потемкин умер в 1973 г.) такое добровольное, трудно объяснимое отшельничество...

Начиная с середины 60-х годов, когда я стала сначала бригадиром «Ежегодника», а затем – очень скоро – его ответственным секретарем (и оставалась им более двадцати лет, до 1988 г.), я принимала участие во всех заседаниях редколлегии и хорошо помню, как и в каком составе они происходили. Заседания эти часто затягивались на несколько часов. Для меня они представляли отнюдь не только научный интерес, но давали повод для интересных психологических наблюдений, раскрывали отношения между этими людьми, каждый из которых был замечателен в своем роде. Чтобы представить себе это, нужно, конечно, знать персонажи этих заседаний.

Я уже не раз писала об А. З. Манфреде и В. М. Далине; здесь мне хочется вспомнить о двух других постоянных участниках заседаний редколлегии – Б. Ф. Поршневе и Э. А. Желубовской.

Борис Федорович Поршнев – человек, не укладывающийся ни в какие оценочные рамки и определения. Он был из той довольно значительной части людей, для которых дело составляет всю их жизнь. Это вовсе не исключает интереса к другим сферам, но главное дело и «остальная» жизнь неразделимы, это просто нечто целое, и, вероятно, эта целостность – не-пременное условие истинного успеха в науке. Теперь порой бывает обидно за Поршнева: в нашей среде он иногда предстает в виде закоренелого (или даже заскорузлого) марксиста, книги которого уже не имеют никакой ценности. Но это теперь они представляются многим скучными и чудовищно догматическими, а читатель тех лет видел в них новую постановку вопроса, свободу и богатство мыслей. Убеждена, что их автор никогда не руководствовался конъюнктурными соображениями, он не раз говорил, что гордится тем, что он – историк-марксист. К тому же, приверженность марксизму – увы, в его ленинском, действительно догматическом варианте – не мешала ему понимать и ценить другое. Не лишним будет вспомнить, что книга Б. Ф. Поршнева «Народные восстания во Франции перед Фрондой», опубликованная в 1948 г., вызвала много

откликов и интересную полемику в зарубежной исторической литературе и – что было тогда большой редкостью, – была переведена на французский и немецкий языки.

Кроме того, о Поршневе вспоминают как о некоем чуде, увлекшемся мифической проблемой снежного человека. Сколько легенд и правдивых историй рассказывали о нем в связи со «снежным человеком»! В каком-то популярном журнале (кажется, «Вокруг света») был помещен очерк об экспедиции на Памир, в которой участвовал Борис Федорович; он ехал по горной дороге верхом на маленьком ослике, и ноги его почти касались земли. Я так и вижу его высокую фигуру, полное тело, низко сидящую на плечах маленькую, чуть приплюснутую лысую голову в панаме и эти достающие до земли ноги, болтающиеся по бокам ослика. И представляю себе, до какой степени ему было безразлично, каким его видят окружающие и как он полон был сознания важности совершаемого им! Рассказывали, что на Кавказе он участвовал в раскопках: удалось найти скелет, который, как он был уверен, принадлежал снежному человеку. Эксперты не согласились с этим мнением энтузиастов, но Борис Федорович уверял, что во время экспертизы кости подменили местные ученые. Говорили, что кости он привез в Москву, ящик стоял у него в передней, посетители задевали край ящика, и кости отзывались сухим стуком. Не знаю, что здесь правда, а что вымысел, но это очень похоже на Поршнева. В нем были какие-то детские странности. Борис Георгиевич Вебер, его близкий друг, рассказывал мне смешной эпизод их поездки в ГДР для участия в научной конференции. Их с Поршневым поселили в одном гостиничном номере. Утром Борис Георгиевич предложил пойти позавтракать в кафе. «Что ты, – замахал руками Поршнева, – зачем деньги тратить, у меня еда с собой». Он извлек из своего видавшего виды портфеля буханку хлеба и растворимый кофе. Кипятильника не было, но Бориса Федоровича это нисколько не смутило, он предложил налить в стаканы горячей воды из-под крана. Борис Георгиевич не согласился и оставил своего друга уныло завтракать в одиночестве. Конечно, это эпизод в духе советской действительности 70-х годов. «Наши за границей» вообще могли поступать именно так. Однако профессор, ученый, книга которого была переведена во Франции и вызывала там живейший интерес...

Или вот еще незабываемый эпизод, произошедший на праздновании шестидесятилетия Бориса Федоровича. Он пригласил нас собраться в небольшом отдельном зале ресторана «Прага». Много пили, произносили тосты, главным образом в честь Поршнева и в честь нашего сектора Новой истории, которым он руководил. И вдруг Борис Федорович, в значительном уже подпитии, но вполне себя контролирующий, взобрался на невысокую эстраду (предназначенную, очевидно, для оркестра) и в манере оперного певца громко запел: «Здравствуй, моя Мурка, здравствуй, дорогая...»

Я не знала, что это был его коронный номер, неизменно повторявшийся в подобных ситуациях. Официант, проходивший мимо нас, негромко сказал: «Веселый у вас начальник...»

Борис Федорович был человеком в высшей степени пристрастным и часто несправедливым, не всегда и не со всеми приятным в повседневном общении. Вероятно, именно это породило много небылиц и совершенно ложных о нем суждений. В частности, недавно пришлось столкнуться с мнением, что он был лишен чувства юмора. Никак не могу с этим согласиться, сошлюсь и на свидетельство автора воспоминаний о нашем Институте М. М. Блинковой. Упомянув, что Бориса Федоровича «актерским дарованием и чувством юмора Бог не обидел», она рассказывает о его умении «подчеркнуть комизм ситуации с помощью подходящей цитаты или изречения» или «с тактичным нажимом воспроизводить различные интонации, создавать образ человека, уловив его характерные обороты и жесты, специфику артикуляции»⁶.

Здесь я вспоминаю Бориса Федоровича таким, каким видела его уже в последнее десятилетие его жизни. Но вот передо мной написанный А. З. Манфредом некролог, опубликованный во «Французском ежегоднике» в 1972 г. Долгие годы А. З. Манфред и Б. Ф. Поршневу были друзьями, но в начале 60-х годов их разделили не вполне понятные мне расхождения отнюдь не научного свойства. Но некролог, написанный Альбертом Захаровичем в память о друге его молодых лет, свидетельствует о том, что расхождения эти ничего не изменили в главном. Говоря о Поршневе как человеку большой, яркой одаренности и перечисляя его научные заслуги, Манфред самые впечатляющие строки своей небольшой заметки посвящает воспоминанию, относящемуся к аспирантским временам, когда Поршневу был «высоким, тонким юношей со светлыми волосами, очень подвижным, задиристым, готовым вот-вот ввязаться в спор, полным энергии, бьющей через край», мастером игры в пинг-понг. Он вспоминался автору некролога «чаще всего стремительным, прыгающим через две-три ступеньки вниз по лестнице, беззаботным, беспричинно веселым, совсем молодым, с маленькой ракеткой в руках». Что осталось от этого образа через сорок с лишним лет? Альберт Захарович писал, что встретил Поршневу за несколько дней до его кончины. Борис Федорович быстро и оживленно, «без предваряющих фраз» заговорил о своей работе, о своих планах. Вот это и осталось – увлеченность, одержимость своим делом.

От Бориса Федоровича исходила скрытая мощная сила таланта и смелости. Ему интереснее всего было все новое и сам он, забыв все на свете, с головой окунался в это новое, отдавался ему, не заботясь о впечатлении, которое может произвести. Он был предан науке страстно и бескорыстно,

⁶ Блинкова М. Время было такое. Тель-Авив, 1998. С. 153–154

хотя и был очень чувствителен к оценке своей деятельности. Как он хотел стать академиком! Он и умер, я думаю, отчасти вследствие потрясений, связанных с неудачами на академических выборах – этом и до сих пор весьма несправедливым и порой даже грязным деле.

Еще одним очень заметным и влиятельным членом редколлегии «Французского ежегодника» была Энна Адольфовна Желубовская. Маленького роста, аккуратная фигурка, точеные черты лица и гладко причесанные рыжеватые волосы – привлекательная, изящная женщина. Я помнила ее еще со своих студенческих времен: в Московском областном пединституте, где я училась, она недолго вела семинар. Когда я ей это напомнила, она сказала, что это был лишь эпизод: главным ее делом была исследовательская работа.

В 1955 г. вышла в свет ее большая монография «Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции». Книгу эту, прекрасно фундированную и написанную с высоким профессионализмом, высоко оценили не только у нас: очень скоро ее перевели на французский язык. Как я уже говорила, это было в те годы большой редкостью и свидетельствовало о высоком признании, которое она заслужила у французских коллег, о чем говорили и многочисленные отклики на эту книгу во Франции. Однажды книга Желубовской послужила даже чем-то вроде источника: в одной местной коммунистической газете были опубликованы отрывки из нее, где описывались стачки в этом департаменте в годы Второй империи.

Энна Адольфовна писала медленно, взвешивая каждую строку, и опубликовала сравнительно немного работ, посвященных преимущественно истории Второй империи во Франции и Парижской коммуне 1871 г. Каждой из них предшествовала долгая стадия тщательнейшей подготовки, собирания всех возможных материалов.

Последние годы Энны Адольфовны были очень трудными. Она тяжело болела, почти утратила возможность говорить сколько-нибудь громко, не могла нормально есть. Свои мучения переносила с редким мужеством и терпением; ежедневно, пока ее не оставляли силы, садилась к письменному столу и даже в больницу в последние дни жизни взяла с собой рукописи. Темой, которая тогда ее увлекала, была история революционного движения в годы Второй империи во Франции. Особенно заинтересовал ее образ молодого писателя и журналиста О. Вермореля, члена Парижской коммуны 1871 г., погибшего в баррикадных боях. Она собрала много материала о нем, но успела написать лишь одну небольшую статью, отредактированную и опубликованную во «Французском ежегоднике 1970» уже после ее кончины, в 1972 г.

Энна Адольфовна была необыкновенно энергична, настойчива, в высшей степени обязательна и ответственна. Это обеспечивало успех любого

ее предприятия. А она с самого основания группы по истории Франции принимала активнейшее участие во всех ее начинаниях и издание «Французского ежегодника» считала, конечно, своим кровным делом. Хорошо помню, что ее усилиями были привлечены к сотрудничеству в нашем издании Ж. Дотри, М. Шури, П. Шове; вероятно, и другие тоже. Она познакомилась с ними во Франции, где бывала не раз и имела широкие научные связи. Помню, как на заседании редколлегии, рассказывая об одной своей поездке, она с гордостью говорила, что в Париже более десяти раз (она называла точную цифру, но я ее не помню) ходила в гости. Разумеется, главным делом была для нее там исследовательская работа в Национальном архиве и парижских библиотеках, но не меньшее значение придавала она своим визитам к французским коллегам, с которыми устанавливались у нее добрые личные отношения и деловые контакты.

Не только научная, но и тесная дружеская связь соединяла Желубовскую с Манфредом и Далиным. Их отношения не были безоблачными, особенно, думаю, вследствие некоторых чисто женских черт характера Энны Адольфовны., что иногда болезненно отзывалось в отношениях. Приходилось иногда слышать ее язвительные замечания в адрес коллег. Так, помню, однажды, когда А. З. Манфред получил из Франции известие о присвоении ему звания доктора *honoris causa* Клермон-Ферранского университета, Энна Адольфовна тихонько сказала мне: «Подумаешь! Что такое этот Клермон-Ферран? Орехово-Зуево!». Это было смешно. А вот серьезный эпизод: с присущей ей прямоотой и решительностью Энна Адольфовна выступила за публикацию какой-то переводной статьи против других членов редколлегии, обвиняя в особенности Далина в злостной несправедливости и обращая в его адрес обидные упреки. Виктор Моисеевич, держа перед собой текст статьи, убедительно доказал, что перевод никуда не годится. Он проделал это с такими спокойствием и тактом, что Желубовской не только не удалось отстоять свою позицию, но и возражать было трудно. И это не нарушило ни производственных, ни личных отношений между ними. Только однажды, в 1961 или 1962 г. пришлось наблюдать серьезный конфликт между Б. Ф. Поршневым, тогда заведовавшим сектором Новой истории, и А. З. Манфредом, В. М. Далиным и Э. А. Желубовской, в результате которого Борис Федорович ушел из сектора, который теперь возглавил А. З. Манфред (Борис Федорович стал заведующим сектора истории общественной мысли). Должна, однако, сказать, что отношения Поршнева с некоторыми членами сектора были настолько испорчены, что даже его близкий друг и добрейший человек Б. Г. Вебер сказал мне тогда, что одобряет такое решение, ибо Борис Федорович руководить этим сектором больше не мог бы.

И все-таки нельзя себе представить, чтобы кто-либо из этих ученых мог опуститься до непорядочных действий, публичной ненаучной критики, до

скандала, до многолетней враждебности. От этого в значительной мере зависела не нарушаемая какими-либо дрызгами спокойная деловая атмосфера, царившая в секторе Новой истории с тех пор, как руководство им принял на себя А. З. Манфред; о ней вспоминают все, кто в этом секторе работал. Исполненные уважения взаимоотношения старших коллег и их доброжелательное отношение к более молодым было, мне кажется, не вполне обычным явлением в тогдашней научной среде. Да изменилось ли что-либо и сейчас?

Между участниками заседаний редколлегии иногда пролетали искры, случалось, что Энна Адольфовна провоцировала столкновения. Но все подводные камни удавалось обходить успешно, хотя и не без трудностей, благодаря дипломатическим умениям Альберта Захаровича, сглаживавшего возникавшие противоречия. Не было случая, чтобы он повысил голос или отказался от улыбки.

Когда я вспоминаю эти долгие заседания, мне неизменно приходит на память одна деталь описанного Булгаковым в «Театральном романе» совещания Ивана Васильевича со старейшинами театра. Совещание это прерывалось, как, может быть, помнит читатель, то и дело возникавшими воспоминаниями его участников о каких-то не относящихся к делу случаях. Максудов отказывается от предложения Ивана Васильевича отведать пирожных. «Кстати, о пирожных, – вдруг заговорил бархатным басом необыкновенно изящно одетый и причесанный блондин, – помнится, как-то мы собрались у Пручевина...» У нас, разумеется, речь шла не о пирожных, но сходство имело место: порой упоминание какого-нибудь имени отвлекало присутствующих от обсуждавшейся темы, начинали вспоминать памятные им эпизоды, события, шутили, немного злословили и не вдруг возвращались к основному предмету заседания.

Главными редакторами «Французского ежегодника» были последовательно В. П. Волгин, А. З. Манфред и В. В. Загладин. О Волгине не могу сказать ничего, поскольку никогда с ним не встречалась. Сменивший его Альберт Захарович Манфред был и по званию и по самому существу дела истинным главным редактором, и все дело держалось на нем. Его широкие научные связи – у нас в стране и за рубежом, его научный и моральный авторитет, наконец, его дипломатические способности позволяли разрешать самые трудные вопросы, которые не раз возникали в отношениях с авторами, с дирекцией Института и с издательством. Он определял общее направление, поддерживал статус «Ежегодника» как солидного академического издания, конечно, читал все поступавшие в редакцию статьи и в случае разногласий мягко, без нажима выносил решение, которое чаще всего никем не оспаривалось. Это не исключало, конечно, споров, колебаний, коллегиальность соблюдалась неукоснительно.

Но каждодневными практическими делами – первоначальным отбором материалов, работой с авторами, редактированием, корректурой – всем этим и при жизни Манфреда руководил Виктор Моисеевич Далин, разумеется, при полном согласии с А.З. и без малейших отступлений от его линии.

А. З. Манфред умер в декабре 1976 г. Трудно представить себе теперь, каким тяжким было горе всех нас, его сотрудников и друзей; но не буду повторяться, я не раз писала уже об этих скорбных днях. Все, кто имел отношение к «Французскому ежегоднику», понимали, что наступили нелегкие времена. Вся тяжесть издания легла теперь на плечи В. М. Далина. В конце 1978 г., когда с опозданием на два года, что было одним из проявлений тех трудностей, которые, если отчасти и существовали раньше, чрезвычайно усугубились с уходом Манфреда, вышел в свет «Французский ежегодник 1976», Виктор Моисеевич сделал на этом томе такую адресованную мне надпись: «Дорогой Светлане в знак самого глубокого уважения и в надежде, что это издание не исчезнет из-за безрукости пишущего эти строки. В. Далин. Ноябрь 1978 г.». В этих словах звучит не только скромность их автора, но и признание, что трудно нам всем, и особенно ему, работать в новых условиях. Но он не был «безруким», принял всю ответственность на себя и никогда не уклонялся ни от каких сложных дел, а их всегда было много.

Виктор Моисеевич заранее намечал план каждого тома. Источником его постоянных страхов была мысль, что не хватит материалов для очередного выпуска. Альберт Захарович учил меня говорить всем авторам поступающих статей, что «портфель «Французского ежегодника» забит на много лет вперед». Конечно, это было совсем не так, но недостатка в материалах все же не было. Мне всегда казалось, что опасения Виктора Моисеевича напрасны, и я старалась убедить его в этом. Но в известном смысле он, в общем, часто оказывался правым, потому что имевшиеся статьи не всегда удовлетворяли. В какой-то момент от сомнений, а порой почти отчаяния он переходил к действию. Вдруг появлялся в секторе необычно собранным, даже внешне подтянутым, решительным, усаживался, строго говорил мне: «берите лист бумаги и пишите» и диктовал совершенно по-новому скомпонованный, заново обдуманый план очередного тома с такими лакунами, которые, казалось мне, невозможно будет заполнить. Я чаще всего возмущалась тем, что работа, которую мы уже проделали, оказывалась отчасти ненужной, но, по зрелом размышлении, всегда приходила к выводу, что он был прав.

В четырех томах «Французского ежегодника», вышедших после кончины А. З. Манфреда, в списке редколлегии не значился главный редактор, а был обозначен лишь заместитель главного редактора – В. М. Далин. В томе 1980 г. впервые новым главным редактором назван В. В. Загладин, вид-

ный работник Отдела науки ЦК КПСС, уже несколько лет являвшийся членом редколлегии. З. С. Белоусова предложила обратиться к нему с просьбой возглавить редакцию. Получив общее одобрение, она переговорила с Загладиным, и тот неожиданно легко согласился. Этот шаг, принятый ради спасения «Ежегодника», всем нам казался гениальным. Новый шеф оказался достаточно демократичным и терпимым, приятно внимательным к делам и к сотрудникам. Он читал все поступающие в редакцию статьи, сообщал свои отзывы, обнаруживавшие высокую степень компетентности. Вот только общение с ним было несколько затруднено: связаться можно было только через секретаршу, а видела я его только один раз, когда мы были приглашены в кабинет на Старой площади, пили чай с сушками и довольно скованно обсуждали дела и перспективы «Французского ежегодника». Характерная деталь: вследствие каких-то внутренних противоречий в Отделе науки ЦК при вступлении на пост главного редактора «Ежегодника» В. В. Загладин ввел в редколлегию М. Н. Соколову, которую связывали доверительные отношения с куратором нашего Института Кузнецовым, «злым гением» и Института, и «Ежегодника».

При всей своей лояльности главный редактор твердо придерживался новой главной линии, которая все больше тянула издание к современности и политизировала его. Однажды он воспрепятствовал публикации очень хорошей статьи А. Салмина о французском электорате, направление которой не вполне совпадало с общепринятой линией.

В. В. Загладин действительно спас «Французский ежегодник» от закрытия. Но трудностей становилось все больше. В начале 70-х годов были установлены нормы ежегодного листажу изданий Института. «Ежегодник» сразу же стал «худеть». Каждый выпуск приходилось с большим трудом «пробивать» сквозь заслоны дирекции Института, возглавляемой З. В. Удальцовой. Ежегодно менялись формальные требования дирекции: то предлагалось печатать главным образом статьи своих сотрудников, то, напротив, имея в виду роль «Французского ежегодника» как центра, объединяющего франковедов всей страны, требовалось отдавать предпочтение авторам из провинции, то предписывалось сократить число статей иностранных авторов. Часто в последнее время, когда том был уже собран и подготовлен к сдаче в издательство, нам сообщали о сокращении объема. Дирекция вообще проявляла крайнюю недоброжелательность, усиленную позицией Кузнецова. В результате отнюдь не всегда удавалось опубликовать все, что хотелось, выпуски появлялись с огромным опозданием, объем урезывался систематически, и все это стоило большого нервного напряжения.

Собственно, некоторые перемены наметились во «Французском ежегоднике» еще раньше, в начале 70-х годов. Одна из них – казалось бы, внешняя, но характерная. Начиная с 1972 г., изменилось расположение статей. Прежде они размещались в хронологическом порядке – от средних веков к

Новейшему времени. Теперь каждый том начинался со статей по проблемам Новейшей истории, которая все больше выходила на передний план. Порой по необходимости, диктовавшейся как конъюнктурой, так и потребностями и симпатиями нового руководства, печатали статьи, носившие не вполне исследовательский характер, иногда довольно слабые.

С конца 70-х годов «Французский ежегодник» начал стремительно «худеть». Невозможно даже сравнивать, к примеру, выпуск 1978 г., объемом около 25 а.л., с первым «Французским ежегодником 1958», солидным томом более 40 а.л., в котором удалось поместить огромную статью Ф. В. Потемкина объемом больше 5 а.л. В середине 80-х годов изменился и привычный формат издания, продолжал уменьшаться и объем: «Ежегодник 1985» составлял чуть больше 20 а.л. В конце 70-х годов исчезла традиционная суперобложка, выполненная в цветах французского национального флага.

На мой взгляд, примерно с середины 70-х во «Французском ежегоднике» наметилось и некоторое «отставание» в главном. Он «поскользнулся», если можно так выразиться, на своей любимой теме – истории Французской революции XVIII в. Мне кажется, что это произошло в 1970 г. на симпозиуме по проблемам якобинской диктатуры.

Новые направления, тенденции в разработке истории Французской революции, обнаружившиеся в конце 60-х годов на Западе, вызывали у руководителей нашего издания тревогу, а выход в свет книги ленинградского историка В. Г. Ревуненкова, который в оценке якобинской диктатуры и якобинского террора отступил от давно утвердившихся и общепринятых у нас положений, требовал, по мнению А. З. Манфреда, и действия. По его инициативе, в Институте всеобщей истории организовали симпозиум по проблемам истории якобинской диктатуры (материалы симпозиума были полностью опубликованы в «Ежегоднике 1970»). Ревуненков, как ни приглашали его приехать в Москву для открытой дискуссии, так и не приехал, так что споры о нем и критика в его адрес в его отсутствие не были чем-то неприличным, но речи его противников, прежде всего Манфреда и Далина, несмотря на все оговорки, звучали категорично и источали уверенность в исключительном праве на истину.

Симпозиум этот выявил некоторую нетерпимость руководителей «Ежегодника» к инакомыслию. Разумеется, об этом никогда не говорилось напрямую, неизменно подчеркивалась возможность дискуссий и разных точек зрения. Однако существовали и некоторые аксиомы, не подлежащие пересмотру, вопросы, в трактовке которых необходимо было поддерживать некий давно сложившийся консенсус. Возможность консенсуса определялась тем, что эти вопросы в свое время были освещены Марксом, Энгельсом, Лениным; конечно, их можно было обсуждать, в особенности привлекая новые документы, способные пролить новый свет на детали, но общая оценка предполагалась незыблемой, смысл явлений давно прояс-

ненным. Считалось, что в разработке некоторых проблем всеобщей истории советские ученые чуть ли не первенствуют, и это даже признано самими французами. К числу таких проблем относилась, прежде всего, именно история Французской революции. Это был некоторый поворот. Наши «мэтры» определяли, что плохо, а что хорошо. У меня, во всяком случае, сложилось такое впечатление.

Впрочем, нельзя сказать, что «Французский ежегодник» до конца остался глухим к новым тенденциям и подходам в изучении Французской революции. В двух томах – 1983 и 1984 гг. – была опубликована большая статья Мишеля Вовеля «К истории общественного сознания эпохи Великой французской революции», автор которой приступил к «рассмотрению феномена Французской революции с точки зрения коллективной психологии»⁷ и, проанализировав историю этого нового подхода и его принципы, попытался «изобразить многообразие различных аспектов общественного сознания эпохи революции» в интереснейшем очерке под названием «Что значит переживать революционную эпоху?».

В «Ежегоднике 1987», целиком посвященном 200-летию Французской революции, была опубликована большая теоретическая статья Е. Б. Черняка «1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции». Это был доклад, прочитанный автором на заседании Ученого совета Института всеобщей истории в июле 1988 г.; он начинался словами о том, что доклад этот «был бы немислим вне новой общественной атмосферы»⁸. Е. Б. Черняк провозглашал необходимость пересмотра оценок якобинской диктатуры, террора, термидорианского переворота и, восстановив во всей чистоте понимание революции классиками марксизма-ленинизма, по-новому осмыслить характер и значение революции, ее этапы. В этом же томе «Ежегодника» А. И. Фурсов поместил большую, сложную статью теоретического характера «Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта. Размышления о формационных и цивилизационных истоках Французской революции». Так намечалось новое изучение этой традиционной для «Французского ежегодника» темы. Но «Ежегодник 1987» был предпоследним. Следующий том, посвященный де Голлю, завершил тридцатилетнюю историю этого издания.

На мой взгляд, существовало еще одно проявление «отставания». «Французский ежегодник» совершенно не признавал «новой исторической науки» во Франции, а, следовательно, оставался в стороне от важнейшей тенденции развития французской и мировой исторической науки.

⁷ ФЕ 1983. М., 1985. С. 130.

⁸ Там же. С. 240.

В. М. Далин, несомненно, испытывал интерес к школе «Анналов». Об этом свидетельствует большая статья «Французские историки XX века (судьбы школы «Анналов»)» в сборнике его статей «Историки Франции».

Многие частные суждения, да и общая оценка В. М. Далиным роли школы «Анналов», кажутся нынешним приверженцам исторической антропологии ложными и даже смешными: он измеряет ценность этого направления степенью его близости к марксизму и даже не пытается осмыслить его рождение как серьезный поворот в мировой исторической науке. Следует, однако, иметь в виду, что при всем огромном, основополагающем значении «новой исторической науки» общее развитие французской историографии ею все же не исчерпывается. Поэтому представляется интересным, что В.М. рассматривал историю школы «Анналов» – так, как он ее понимал, – в более общем контексте, стремясь определить ее место в развитии исторической науки во Франции в XX в. Между прочим, говоря о замечательной работе Ж. Лефевра «Великий страх», он утверждал, что тот перелом, который произошел во французской историографии в 30-х годах, следует связать, помимо Блока и Февра, с именем Лефевра.

Марк Блок был в числе самых любимых героев Виктора Моисеевича, он восхищался этим замечательным ученым и человеком; трагическая судьба Блока глубоко его трогала. Он очень высоко ценил Февра, потом Броделя. Его интересовали и представители третьего поколения «Анналов»: в той же статье он подробнейшим образом анализирует деятельность и научное творчество Леруа Ладюри и считает весьма важным его вклад в историческую науку. Но в его глазах это была все же измена направлению, которое задали «Анналам» Февр и Блок, а продолжил Бродель, или, по меньшей мере, странное отклонение от верного пути. Пока «Анналы» с их интересом к экономическим и социальным проблемам и к марксизму следовали по стезе, которая должна была привести к единственно правильному методу – историческому материализму, они вызывали у него сочувствие, хотя и осторожное. Но то, что происходило с «анналистами» с конца 60-х годов, было ему непонятно и чуждо.

Нельзя сказать, что «Французский ежегодник» вовсе не проявлял интереса к «Анналам». В 1968 г. была опубликована прекрасная статья Жака Ле Гоффа «Существовала ли французская историческая школа “Annales”», в которой рассматривалась история этого направления с момента основания журнала «Annales» до 1949 г. Статья была снабжена примечанием: редколлегия «Французского ежегодника» не исключает возможности иных точек зрения, кроме той, что придерживается автор статьи. Несомненно, что решение о публикации этой статьи было принято в значительной мере потому, что Ле Гофф подробно высказывался в ней об отношении «анналистов» к марксизму. Рядом с этой статьей была помещена статья киевской исследовательницы Л. Таран об Анри Берре, естественно заканчи-

вавшаяся одобрительными словами в адрес Л. Февра, М. Блока и их журнала. В 1982 г. в «Ежегоднике» была напечатана интересная статья Ф. Броделя «Свидетельство историка», опубликованная во Франции еще в 1972 г., отчасти автобиографическая, отчасти посвященная истории «Анналов». В том же «Французском ежегоднике 1982» была опубликована статья А. Я. Гуревича «О соотношении народной и ученой традиций в средневековой культуре (Заметки на полях книги Жака Ле Гоффа)». В 1983 г. в разделе «К 165-летию со дня рождения Карла Маркса» напечатали совсем маленькую заметку Ж. Дюби под заголовком «Мое отношение к Марксу». Она начиналась словами, которые, конечно, и сделали возможной ее публикацию в «Ежегоднике»: «Мысль Маркса присутствует во всех моих работах и до сих пор играет в них значительную роль»⁹.

Но, в общем, это были все же некие уступки, а вообще-то направление, которое приняли «Анналы» с 60-х годов, считалось совершенно ложным. Это было ясно обозначено в двух статьях М. Н. Соколовой, опубликованных еще в «Ежегодниках» 1970 и 1972 г. В статье «Историческая теория Фернана Броделя» (1972) М. Н. Соколова, начав с упрека Броделю в том, что тот противопоставляет марксизму собственную историческую теорию и безуспешно пытается «вне марксизма» объяснить судьбы человечества, все же признавала значение его творчества. Но молодые ученые, связанные с «Анналами», утверждала она, двинулись не по открытому Броделем пути разработки «глобальной истории», а занялись всего лишь «исследованием отдельных факторов». Возникла тенденция «абсолютизировать некоторые методы исторического исследования, превратить вспомогательные приемы в универсальные способы объяснения». Это явилось, по мнению Соколовой, шагом назад в сравнении с направлением «Анналов», сформировавшимся еще при Л. Февре и М. Блоке, «возвратом к этапу, давно пройденному исторической наукой, к теории факторов»¹⁰.

Позволю себе маленькое воспоминание о происходившем при мне разговоре В. М. Далина с Ю. Л. Бессмертным. Бессмертный опубликовал в «Ежегоднике» три статьи; тема последней из них – «Демографические и социальные процессы во французской деревне XIV в.» (1981) – несомненно была продиктована автору новейшими исследованиями «анналистов». Виктор Моисеевич спросил, не даст ли он что-нибудь новое в наш сборник.

– Да что ж, – сказал Юрий Львович, – Вы ведь не опубликуете статью о Леруа-Ладюри, о «Монтайю»?

– Нет, не опубликуем.

Виктор Моисеевич был совершенно равнодушен к теоретическим и методологическим проблемам. Они для него как бы и не существовали. Он

⁹ ФЕ 1983. М., 1985. С. 45.

¹⁰ ФЕ 1972. М., 1974. С. 332.

раз и навсегда все их для себя решил в молодости, занимаясь в РАНИОН и следуя урокам своих учителей Н. М. Лукина и М. Н. Покровского. Возвращаться к тому, в чем он никогда не сомневался, что было незыблемой основой всей его работы как историка, не имело смысла. В 1973 г. в некрологе Ф. В. Потемкина Е. Б. Черняк совершенно справедливо писал: «Федор Васильевич принадлежал ко второму поколению советских историков, для которых исторический материализм был не только бесспорной научной истиной, но и страстным внутренним убеждением, которое окрашивало всю жизнь»¹¹. Это полностью можно отнести и к В. М. Далину. Может быть, это и делало его невосприимчивым к новациям, что, впрочем, свойственно было отнюдь не ему одному, а всем, в ком марксистская методология была укоренена, и кто творчески, или полагая, что творчески, воспринял ее в молодости..

А. З. Манфреда теоретические вопросы тоже, по-видимому, совсем не интересовали, главным образом, как мне кажется, потому, что по складу своему он в той же мере, что и историком, был писателем, художником, и мышление его было художественным.

И хотя для В. В. Загладина – последнего главного редактора – теоретические вопросы, казалось бы, должны были, по определению, представлять особую важность, и при нем вопросы теории и методологии исторического познания в «Ежегоднике» специально не ставились и затрагивались, пожалуй, только в вышеупомянутых статьях М. Вовеля, Ж. Ле Гоффа, Е. Б. Черняка, А. И. Фурсова, Н. Г. Федоровского.

Часто гадаю: как отнеслись бы к переменам, наметившимся в 1985 г., Альберт Захарович Манфред и Виктор Моисеевич Далин? Сознывая, конечно, порочность существовавшего режима и его губительность для развития науки, они не были среди тех, кто пытался хоть что-то этому противопоставить. Они не были конформистами, но точно представляли себе границы дозволенного, никогда эти границы не переступали и, вероятно, полагали, что таким образом спасают науку, что иное поведение погубит и их самих, и то дело, которому они отдали всю свою жизнь. Но у Альберта Захаровича за этим скрывалось понимание глубокой порочности не только режима, но и всей системы, и мне кажется, что он воспринял бы «перестройку» гораздо легче, чем Виктор Моисеевич. Может быть, он не смог бы сразу расстаться со всеми иллюзиями, но он радовался бы переменам. А Виктор Моисеевич, думаю, радовался бы только вначале, отказ от социалистическо-коммунистических идеалов был бы для него невыносим. Это перечеркнуло бы всю его жизнь и более всего – молодость.

К тому же, следует обязательно отметить, что их общественные и особенно научные позиции определялись отнюдь не только страхом, но в зна-

¹¹ ФЕ 1973. М., 1975. С. 295.

чительной мере – причудливым соединением понимания пороков советской системы и веры в ее справедливую, хотя и искаженную исторически сущность. Они были историками-марксистами, не сомневавшимися в правильности исторического материализма (в марксистско-ленинские пророчества верили, думается, лишь единицы!) как методологии исторического исследования. Революционное прошлое Советской страны не было им чуждо. «Досталинская» эпоха Советской власти (гражданская война, затем НЭП, наконец, – что было для них, я полагаю, очень важно, – недолгий расцвет «неофициальной» советской культуры в 20-х и начале 30-х годов – Пастернак, Мандельштам, Бабель, Платонов, Мейерхольд, Эйзенштейн) представлялась им не такой ужасной, как последующие годы; и ведь это были годы их молодости и встречи с наукой...

5 октября 1985 г. умер В. М. Далин, ему было 83 года. В конце жизни он подводил итоги и вместе с тем двигался вперед. Три его книги, появившиеся в 70-80-х годах, служили неопровержимым тому доказательством. И «Французский ежегодник 1984», вышедший в начале 1986 г, поистине украсила последняя статья Далина «Александр I, Лагарп и Французская революция», написанная с молодым увлечением, которое никогда его не покидало. Этот том открывался прекрасной фотографией Виктора Моисеевича и некрологом, который мы закончили такими словами: «От имени редколлегии «Французского ежегодника» и Группы по изучению истории Франции, от имени всех, кто читал книги В. М. Далина и ценил его талант исследователя, от имени всех, кому посчастливилось сотрудничать с ним долгие годы в тесном контакте и добром согласии, мы склоняемся перед светлой памятью коммуниста, ученого, настоящего человека, нашего дорогого учителя и друга».

В последние годы жизни Виктора Моисеевича Далина не было для него, может быть, более важного дела, чем «Французский ежегодник». Позволю себе привести еще одну памятную надпись, которую он сделал мне на «Французском ежегоднике 1977»: «Дорогой Светлане – двадцатый том нашего любимого детища, доставляющего нам столько хлопот, огорчений, но немало и радостей. В. М. Далин, октябрь 1978 г.». Я полностью разделяю то, что сказал Виктор Моисеевич о «нашем любимом детище». Только теперь мне кажется, что радостей было гораздо больше, нежели хлопот и огорчений.

С кончиной Манфреда, а затем и Далина «Французский ежегодник», это наше общее дело, наша общая любовь, умер, из него ушла душа. Тридцать томов «старого» «Французского ежегодника» – памятник этим двум замечательным людям. Я хочу надеяться, что молодым ученым, создающим «Французский ежегодник» в иные времена и в совершенно иных условиях, удастся соединить новый, современный уровень исследований истории Франции с традициями нашего старого «Ежегодника», о которых я попыталась рассказать.